

**РИТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ПОГРЕБЕНИЕ В ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ»
ОТ ЭНЕОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПРИТОБОЛЯ, САРЫАРКИ И ПРИИРТЫШЬЯ)**

© 2021

Усманова Э.Р.¹, Мерц В.К.²¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)²Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана
Торайгыров университета (г. Павлодар, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются материалы поселений, на которых обнаружены погребения людей. Произведен краткий историографический обзор формирования ритуальной модели «погребение в жилом пространстве». На основании десяти поселений, которые относятся к разным эпохам, выделены группы погребений согласно их статусу в синхронии и диахронии культурных образований. Высказано предположение о причине появления погребений в жилом пространстве, которые определены жизненными (обыденными) и сакральными обстоятельствами в обществе. Начало формирования ритуальной модели «погребение в жилом пространстве» относится к каменному веку и проходит длительное развитие. Культовый характер и природно-культурная, топографическая зависимость модели сохранились в погребальных традициях ранних и поздних кочевников степной Внутренней Евразии. Средневековые кочевники и казахи XVIII–XIX вв. для устройства зимних стоянок выбирали в степных ландшафтах те же места, что и кочевники I тыс. до н.э. Натурное изучение поселенческих объектов, археологические свидетельства позволяют говорить об универсальном стандарте оформления жилого пространства в комплексе с погребальным. Архаика этой ритуальной модели существует в виде родовых погребальных комплексов в поселенческой зоне кочевников этнографической современности.

Ключевые слова: ритуальная модель; погребения; жилое пространство; сакральный; кыстау; зимовка.

**RITUAL MODEL OF «LIVING SPACE FOR THE DEAD»
FROM THE ENEOLITHIC TO THE MIDDLE AGES
(BASED ON MATERIALS FROM SETTLEMENTS IN UPPER TOBOL, SARYARKA AND PRIIRTYSH)**

© 2021

Usmanova E.R.¹, Merts V.K.²¹Buketov Karaganda University (Karaganda, Republic of Kazakhstan)²Joint Research Center for Archeological Studies named after A.Kh. Margulan Toraihyrov University
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The paper presents materials from settlements with graves. It offers a brief overview of the history of «living space for the dead» ritual model development. On the basis of ten settlements, belonging to different time periods, groups of burials were identified according to their status in the synchrony and diachrony. The cause of the occurrence of burials in settlements is postulated as determined by the mundane and sacred conditions in the society. The early establishment of this ritual model is attributed to the Stone Age. The sacred character, natural and cultural environment, topographic dependency of the model preserved in the burial traditions of early and late nomads in the Eurasian Steppe. The cult character and topographical dependence of the model were preserved in the funerary traditions of the early and late nomads. The ancient style of the living space combination with burials exists as tribal burial complexes in the area of nomadic seasonal winter settlements of the Modern Time («ethnographic modernity»).

Keywords: ritual model; burial; graves; living space; sacred; kystau; winter settlement.

Исторический контекст

Жилище – это место, организованное человеком для своего обитания в виде природного укрытия (пещера, дупло дерева и т.п.) или искусственной постройки (дом, шалаш, юрта и т.п.). Оно представляет материализованную идею структурированного пространства, защищенного от внешнего хаоса, в котором присутствует связь между поколениями, членами семьи или рода, то есть проходит человеческая жизнь. В жилище осуществляются различные виды деятельности: культурно-хозяйственная, производ-

ственная, бытовая и ритуальная. Символизация жилища и его деталей связана не только с практической значимостью, но и с магической защитой человека. Место обитания человека приобретает понятие дома в широком смысле слова: город, поселок, деревня, стойбище и т.п.; место рождения; культовое сооружение; родовое гнездо и даже часть страны. Жилище – это знак рода, в котором присутствует преемственность поколений. Освоенная территория, оформленная жилищами для проживания людей и постройками различного назначения, считается поселением [1].

В традиционной культуре жилище рассматривается как временное пристанище и его функция переносится на погребальную постройку, которая становится вечным «домом» для умершего человека. Отсюда, видимо, следует архитектурная монументальность таких сооружений, как пирамида, мавзолей или гробница. Предлагается рассмотреть происхождение данного понятия согласно поведенческому архетипу организации «дома для мертвых» [2, с. 54]. Иными словами, как использовалось жилое пространство для совершения погребального обряда.

Очевидно, что формирование ритуальной модели «пространство живых для мертвых» в погребальном обряде началось в каменном веке. Погребение среднего палеолита ребенка-неандертальца в пещере Тешик-Таш (Узбекистан), которая одновременно служила пространством и для жилья, и для захоронения, подтверждает эту ритуальную идею [3, с. 16–17]. На неолитическом поселении Чатал-Гюк (Турция, Южная Анатолия) дома использовались в качестве «кладбища» (рис. 1: 1). Во многих из них были обнаружены захоронения людей вместе с погребальным инвентарем, совершенные под полом и очагами [4, с. 87–88]. В данном случае наблюдается возникновение устойчивого элемента ритуального поведения: захоронение умершего человека внутри жилья.

Археологический ресурс

Ритуальная модель «погребение в жилом пространстве» в культурах Степной Евразии. Традиция погребения умерших в жилом пространстве степных культур Северного Казахстана и Прииртышья формируется в эпоху энеолита (поселение Ботай, стоянка Шитерды 3, Усть-Нарым) и продолжает существовать в эпоху бронзы и последующие периоды [5, с. 145; 6, с. 79; 7, с. 7] (Мало-Красноярка, Трушниково, Шауке 1, Шидертинское 2) [8, с. 53, табл. XXXVб; 9, с. 42; 10, с. 220] (рис. 1: 2). Предварительно на основе археологических материалов выделяются две группы погребений, расположенных в жилом пространстве: 1 – синхронная, когда погребение и поселение одновременные; 2 – диахронная, когда погребение и поселение разновременные.

Синхронная группа. Поселение эпохи бронзы

Поселение Икпень I, Центральный Казахстан, поздняя бронза (петровская культурная традиция). Восемь грунтовых погребений на периферии жилища, без надмогильного сооружения. Семь детских погребений до года, одно женское погребение 40–50 лет. Инвентарь: один сосуд в каждом погребении [11, с. 13–18].

Поселение Икпень II, Центральный Казахстан, поздняя бронза (петровская культурная традиция). Три грунтовых детских погребения: одно в жилище под полом, два других за жилищем, без надмогильного сооружения с одним сосудом. Инвентарь: один сосуд в каждом погребении [11, с. 82].

Поселение Трушниково, Восточный Казахстан, финальная бронза (общность культур валиковой керамики). Два погребения в жилище: мужское; парное мужчины и женщины. Инвентарь отсутствует [8, с. 53, 54].

Диахронная группа. Поселение эпохи бронзы

Поселение Шауке 1, южная часть Среднего Прииртышья. Два погребения: ранняя бронза (елунинская культура) – погребение, без инвентаря; финальная бронза – погребение женское (?), сосуд (неопубликованные материалы В.К. Мерца).

Поселение Лисаковское, Северный Казахстан, поздняя бронза (алакульская культурная традиция). Погребение (полукремация) финальной бронзы – между жилищами. Инвентарь: два сосуда (рис. 1: 3).

Поселение Мало-Красноярка, Восточный Казахстан, финальная бронза (общность культуры валиковой керамики). Два погребения на территории поселения. Первое погребение: женщина, финал бронзы. Инвентарь: сосуд. Второе погребение мужчины с конем относится к раннему железному веку [8, с. 51–52].

Поселение Кент, Центральный Казахстан, финальная бронза (общность культур валиковой керамики). Одно грунтовое женское погребение (конец XII в.) между жилищами, надмогильное сооружение в виде каменного кольца. Инвентарь: ювелирные украшения, фрагменты седла [12, с. 220].

Диахронная группа. Многослойные поселения

Многослойная стоянка (мезолит – средневековье) Шидерты 3, Северо-восточная Сарыарка. Грунтовое погребение мужчины с надмогильным сооружением и инвентарем, эпоха энеолита (рис. 1: 4) [6, с. 79].

Поселение Усть-Нарым, Восточный Казахстан (неолит, поздняя бронза). Шесть погребений. Неолит, ранняя бронза: парное погребение старика и подростка с костяным вкладышем кинжалом; второе погребение мужчины без инвентаря. Четыре поздних погребения (железный век?) без инвентаря [7, с. 7; 8, табл. XXII].

Разновременное (ранняя бронза, ранний железный век, новое время) поселение Шидертинское 2, Северо-восточная Сарыарка. Два погребения в жилищном пространстве. Первое погребение: подросток, без инвентаря, ранний железный век, частично разрушено жилищем тасмолинской культуры (рис. 1: 5) [10, с. 220; 13, приложение «Supplementary materials a population genomic history of the steppe»]. Второе, женское погребение каргантасского типа, гунно-сарматское время (рис. 1: 6). Инвентарь: каменный жертвенник, бронзовые украшения, железные предметы быта. За каменным ящиком находился отсек, где был устроен жертвенник, содержащий головы лошади и мелкого рогатого скота (рис. 1: 7) [9, с. 42].

Таким образом, всего проанализировано десять поселений, в жилом пространстве которых находились погребения. Из них три поселения относятся к синхронной группе, семь – к диахронной.

Дискуссия

Появление погребального вектора оформления ухода умершего в «страну без возврата» (шумерский поэтический образ «страны мертвых») в жилом пространстве, по всей видимости, определяется несколькими причинами, среди которых выделяются основные – природно-жизненные (профанные) и сакральные обстоятельства смерти.

Природно-профанные:

- ситуации и сезонные условия смерти;
- невозможность устройства отдельного погребения;
- выбор природного ландшафта для погребения.

Сакральные:

- культовая предназначенность (культ предков, почитание умершего);
- сохранение ритуальной связи с умершим в качестве оберега (продление его «жизни» за счет пребывания в пространстве живых).

Рисунок 1 – Погребения на поселениях Северного, Центрального и Восточного Казахстана.

1 – неолитическое погребение, поселение Чатал-Гуюк (фото из открытого источника);

2 – карта распространения поселений с погребениями;

3 – поселение Лисаковское, погребение позднего бронзового века (фото Э.Р. Усмановой);

4 – стоянка Шидерты 3, каменное перекрытие энеолитического погребения;

5 – поселение Шидертинское 2, погребение раннего железного века;

6–7 – поселение Шидертинское 2, погребение гунно-сарматского времени (фото В.К. Мерца)

Активное развитие ритуальной модели «погребение в жилом пространстве» происходит в эпоху бронзы. Поселения степной бронзы предоставляют свою жилую площадь для погребальных ритуалов. Происходит совмещение профанной и сакральной формы вместе в одном пространстве. На поселениях эпохи бронзы Икпень I и II погребения соответствуют по времени культурным строительным горизонтам поселений [11, с. 13, 81]. Основное их количе-

ство принадлежит умершим детям в возрасте до 3–5 лет. При этом они совершены по правилам погребального обряда данного культурного сообщества. Детские погребения этой возрастной группы есть и на могильном поле. Скорее всего, устройство детских погребений в жилом пространстве связано с условиями и причинами смерти (например, зимнее время, болезнь и т.п.). В одном случае детские погребения сопровождало погребение взрослой жен-

щины. Видимо, были причины, в том числе и сакрального характера, чтобы умершие дети находились под покровом жилого пространства и защиты взрослого человека. Синхронные погребения «вписаны» в жилую площадь, не нарушают его, не имеют надмогильных сооружений. Они стали его реальной культурной принадлежностью. Захороненные умершие гармонично соседствуют с живущими.

Жилое пространство поселений эпохи бронзы используется для погребений в эпоху ранних и средневековых кочевников: Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Шидертинское 2, Шауке 1 [8, с. 35, 51–52; 9, с. 42]. Диахронические погребения, как правило, оформляются надмогильными сооружениями. На многослойных поселениях присутствуют разновременные погребения: от эпохи неолита до средневековых nomads: Шидерты 3, Усть-Нарым, Шидертинское 2 [6, с. 79; 8, с. 51–52; 9, с. 42]. Площадь разрушенного, уже не существующего поселения воспринималась как благоприятное место для захоронений представителями других культур, позднего происхождения. Во временном контексте выбор места погребального пространства был связан с особым отношением к ландшафту, который наделялся священным состоянием (например, близость жизненно значимых природных объектов – реки, горы). Видимо, существовал природно-культурный код, следуя которому устанавливалась гармония между человеком и окружающим его миром. Вероятно, организация диахронных погребений, впрочем, и синхронных, способствовала ритуальному гармоничному единству человека и природы.

Заключение

Начало формирования ритуальной модели «погребение в жилом пространстве» относится к каменному веку. Культурный характер и природно-культурная, топографическая зависимость этой модели сохранились в несколько измененном виде в погребальных традициях ранних и поздних nomads степной Внутренней Евразии.

Немаловажная ритуальная деталь в кочевом менталитете появляется в I тыс. до н.э. – это основание родовых погребально-культурных комплексов в поселенческой зоне кочевников. Погребальные поля ранних кочевников Карабие, Тасмола, Кара-оба появляются у зимников, тем самым выделяя сакральную значимость этих мест [14, с. 40]. Сарматские племена Илекского левобережья возводили курганы военной знати рядом с зимними стойбищами – могильники Бесоба, Сынтас [15, с. 156]. Сакскими племенами VII–V вв. до н.э. низовьев Сырдарьи оставлены большие курганные могильники Уйгарак и Южный Тагискен, многие погребения которых имитируют жилища-землянки [16, с. 130].

Топографическое, символическое сосуществование поселения и погребального комплекса берет свое начало с эпохи бронзы. Особое значение этому соседству придавали древние тюрки. Понятие «курук» в значении «заповедная зона» зарегистрировано в XI в. и означает защиту и покровительство. «Курук» – это не только поминально-культурный комплекс, это еще и понятие коренной земли, постоянного местопребывания, а уходя, то есть умирая, «...они от своей земли и воды отделялись» [17, с. 4–8]. Это традиция ярко выражена в погребальном обряде монгольского нобилитета Монгольской империи, захороне-

ния которого устраивались в заповедных родовых территориях (курук – тюркское обозначение, хориг – монгольское) [18, с. 383–384; 19, с. 121]. Одним условием существования курука было наличие рядом ставки, которую бы возглавляла одна из жен кагана, назначенная хранительницей сакрального места (см. подробнее: [20]).

Зимнее поселение казаха-кочевника – кыстау – фокусировало в своем пространстве все социально значимые объекты, необходимость которых определялись мировоззрением и стандартами культурой кочевого общества. В организации пространства кочевников всегда существовала связь между миром профанным (жизнь обыденная, творимая каждый день) и миром сакральным (жизнь священная, творимая ритуалами). Каждодневная жизнь находилась в соседстве с миром предков, под его извечным протекторатом. Таким образом, происходила реализация поведенческого архетипа «мыслить всегда себя рядом с предками».

Хозяйственно-жилая территория казахских зимовок почти всегда находится рядом с территорией некрополя. Соединение в одном пространстве территории зимника (профанного) и некрополя (сакрального) – это свидетельство о символической реализации полного жизненного цикла человека от его рождения до смерти. Ритуальная модель, то есть всегда быть под защитой своих предков, преобразуется в кочевой среде в конце XIX в. – начале XX в. Местонахождение родовых некрополей рядом с зимовками воспринимается как знаковое освоение своей родовой территории. Большие родовые некрополи формировались рядом со стационарными круглогодичными поселениями, возникшие на месте зимних стойбищ [21, с. 124–125].

Погребально-культурные комплексы, расположенные в одном пространстве с местами длительного зимнего пребывания кочевников, постепенно превращались в места особо почитаемых святынь, подтверждая родовую связь между живыми и умершими. Духи предков – «аруахи» – воспринимаются символическими защитниками своих потомков, связь с которыми в современной исламской культуре казахов до сих пор является доминирующей.

Ритуал хоронить мертвых в пространстве живых, который возник в каменном веке, приобрел новые формы в погребальных традициях культур эпохи бронзы и кочевников степной Евразии. Ритуальная модель «погребение в жилом пространстве» можно отнести к универсальным символам, которые указывают на определенные закономерности поведения человека по отношению к умершему в культуре. Погребения, обнаруженные на поселениях Верхнего Притоболья, Сарыарки и Прииртышья, свидетельствуют о существовании паттерна «пространство живых для мертвых» в синхронии и диахронии культур степной Евразии, вплоть до этнографической современности.

Дальнейшее исследование ритуальной погребальной ситуации на поселениях культур степной Евразии позволит подтвердить универсальность этого обряда, в котором ушедшие «на свидание с вечностью» и захороненные в жилом пространстве призваны оберегать тех, кто остался жить на земле. Родовой дом предков – это начало всех начал в жизни поколений в традициях многих народов.

Список литературы:

1. Смирницкая Е.В., Гаврилов К.Н., Кирчо Л.Б. Жилище // Большая российская энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 85–87.
2. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 1997. 279 с.
3. Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии // Советская археология. 1940. № 6. С. 5–19.
4. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Изд-во Наука, 1982. 149 с.
5. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Изд-во Наука, 1993. 249 с.
6. Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. науч. ст. / отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: Эко, 2002. С. 75–102.
7. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 60 с.
8. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 88. 272 с.
9. Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 2010. № 1 (274). С. 40–45.
10. Мерц В.К. Шидертинское 2 // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан: Павлодарская область. Алматы: Изд-во Аруна, 2010. С. 219–221.
11. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. 289 с.
12. Варфоломеев В.В., Рудковский И.В. Средневековое погребение на речке Кызылкыныш в Кентских горах // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. науч. ст. Вып. 3 / ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2004. С. 220–225.
13. Damgaard P.d.B., Marchi N., Rasmussen S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557. P. 369–374. DOI: 10.1038/s41586-018-0094-2.
14. Кадырбаев М.К. Скотоводство (историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.: мат-лы к историко-этнографическому атласу / отв. ред. Г.Ф. Дахшлейгер. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 31–59.
15. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам: сб. статей / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. С. 137–156.
16. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
17. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 150 с.
18. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монгол // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 4. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии Востока. М.: Наука, 1966. С. 377–396.
19. Дробышев Ю.И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.
20. Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монгол (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: сб. ст. / отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 239–301.
21. Усманова Э.Р., Бояубаева З.С. Кыстау (зимовка) // Историко-культурный атлас казахского народа: научное издание / отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. С. 103–126.

Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы Министерства образования и науки Республики Казахстан «Грантовое финансирование научных исследований на 2020–2022 гг.» №AP08856925 «Неолит Северо-Восточного Казахстана» (В.К. Мерц) и №AP09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь – Казахстан – Центральная Азия)» (Э.Р. Усманова).

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института; Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан). E-mail: emmadervish2004@mail.ru.</p> <p>Мерц Виктор Карлович, кандидат исторических наук, директор; Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета (г. Павлодар, Республика Казахстан). E-mail: v_merz@mail.ru.</p>	<p>Usmanova Emma Radikovna, researcher of Saryarka Archaeological Institute; Buketov Karaganda University (Karaganda, Republic of Kazakhstan). E-mail: emmadervish2004@mail.ru.</p> <p>Merts Viktor Karlovich, candidate of historical sciences, director; Joint Research Center for Archeological Studies named after A.Kh. Margulan Toraihyrov University (Pavlodar, Republic of Kazakhstan). E-mail: v_merz@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Усманова Э.Р., Мерц В.К. Ритуальная модель «погребение в жилом пространстве» от энеолита до средневековья (по материалам поселений Верхнего Притоболя, Сарыарки и Прииртышья) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 138–142. DOI: 10.17816/snv2021104201.